

Научная статья

УДК 811.161.1

doi: 10.47475/1994-2796-2024-487-5-107-113

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ТЕКСТОВ МОШЕННИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Людмила Александровна Тугай¹, Александра Анатольевна Миронова²

¹ Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия, l_tugai@mail.ru, 0009-0006-0535-3130

² Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия, mironovaaa@susu.ru, 0000-0001-5910-8567

Аннотация. В статье уделяется внимание современному российскому психолингвистическому анализу в исследовании мошеннического дискурса. Показано, что в настоящее время в стране в результате роста количества преступлений, совершаемых с помощью мобильных телефонов, повышается научный интерес к речи мошенника, способам воздействия на жертву, а также встает вопрос о необходимости эффективной защиты от нежелательной коммуникации. Актуальным является описание живой речи мошенника в реальной коммуникативной ситуации, предмет научного поиска привлекает исследователей возможностью понять механизмы и методы воздействия на сознание реальной или потенциальной жертвы. Материалом выступили записи дословного содержания фонограмм в рамках уголовных дел. Авторами предпринимается попытка рассмотреть текст речи мошенника с точки зрения психолингвистического подхода. Делается обзор научных взглядов российских ученых на манипуляцию мнением и поступками, квалифицируются основные понятия. Раскрываются понятия «языковая картина мира», «языковое сознание». Авторы научной статьи аргументированно продемонстрировали, как малейшее изменение коммуникативной обстановки моментально отражается на построении диалога. Изучается, как протекает процесс подмены языкового сознания в ситуации общения мошенника и жертвы. В центре внимания оказываются семантическая, прагматическая, синтаксическая стороны речевой манипуляции. Сделаны попытки выявить причины беспрекословного следования жертвы указаниям преступника. В заключении авторы доказали, что для предотвращения данного вида преступлений максимально важно донести до потенциальной жертвы, что необходимо разорвать коммуникативный акт (положить трубку), не давать преступнику ни малейшего шанса совершить подмену языковой картины мира, погрузить жертву в иллюзию, которая, исчезая, нанесет урон не только банковскому счету жертвы, но и психическому здоровью. Теоретическая значимость научной статьи видится в том, что исследованию подверглась реальная зафиксированная речь мошенника и был исследован суггестивный потенциал реплик. Результаты исследования будут полезны всем, кто оказывается жертвой в пределах мошеннического дискурса.

Ключевые слова: мошеннический дискурс, языковая картина мира, речевое воздействие, языковое сознание, манипуляция, психолингвистический анализ

Для цитирования: Тугай Л. А., Миронова А. А. Психолингвистический подход к исследованию текстов мошеннического дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 5 (487). С. 107–113. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-487-5-107-113.

Original article

THE PSYCHOLINGUISTIC APPROACH TO THE STUDY OF FRAUDULENT DISCOURSE TEXTS

Lyudmila A. Tugai¹, Alexandra A. Mironova²

¹ South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia, l_tugai@mail.ru, 0009-0006-0535-3130

² South Ural State University (national research university), Chelyabinsk, Russia, mironovaaa@susu.ru, 0000-0001-5910-8567

Abstract. The article pays attention to modern Russian psycholinguistic analysis in the study of fraudulent discourse. It is shown that currently in the country, as a result of the increase in the number of crimes committed using

mobile phones, scientific interest in the speech of a fraudster, methods of influencing the victim is increasing, and the question of the need for effective protection against unwanted communication arises. The description of the live speech of a fraudster in a real communication situation is relevant; the subject of scientific research attracts researchers with the opportunity to understand the mechanisms and methods of influencing the consciousness of a real or potential victim. The material consisted of recordings of the verbatim content of phonograms in criminal cases. The authors attempt to consider the text of the fraudster's speech from the point of view of a psycholinguistic approach. A review is made of the scientific views of Russian scientists on the manipulation of opinions and actions, and the basic concepts are qualified. The concepts of "linguistic picture of the world" and "linguistic consciousness" are revealed. The authors of the scientific article convincingly demonstrated how the slightest change in the communication situation instantly affects the structure of the dialogue. We study how the process of substitution of linguistic consciousness occurs in a situation of communication between a fraudster and a victim. The focus is on the semantic, pragmatic, syntactic aspects of speech manipulation. Attempts have been made to identify the reasons for the victim's unquestioning adherence to the criminal's instructions. In conclusion, the authors proved that in order to prevent this type of crime, it is most important to convey to the potential victim that it is necessary to break off the communicative act (hang up), not to give the criminal the slightest chance to replace the linguistic picture of the world, to immerse the victim in an illusion, which, when disappearing, will cause damage not only to the victim's bank account, but also to mental health. The theoretical significance of the scientific article is seen in the fact that the real recorded speech of the fraudster was studied and the suggestive potential of the remarks was investigated. The results of the study will be useful to anyone who finds themselves a victim within the fraudulent discourse.

Keywords: fraudulent discourse, linguistic view of the world, linguistic persuasion, linguistic consciousness, manipulation, psycholinguistic analysis

For citation: Tugai LA, Mironova AA. The Psycholinguistic Approach to the Study of Fraudulent Discourse Texts. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;5(487):107-113. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-487-5-107-113.

Введение

В настоящее время изучение звучащей речи мошенника является наиболее актуальной научной задачей, так как из года в год увеличивается количество преступлений, совершенных с помощью мобильных телефонов. Дистантный способ совершения преступления приводит к тому, что речь мошенника, записанная в результате оперативно-розыскных мероприятий, является одним из существенных доказательств вины, а порой и единственным доказательством. При изучении голоса и речи злоумышленника появляется возможность понять специфику его действий, мотивы, а также увидеть арсенал методов воздействия на жертву.

В поле нашего исследовательского внимания — тексты дословного содержания фонограмм, которые можно отнести к мошенническому дискурсу. Стоит отметить, что в настоящее время данный дискурс активно изучается российскими учеными. В. И. Карасик и Г. Г. Слышкин в статье «Тенденции развития современного дискурса» говорят следующее: «Стимулом к развитию критического подхода к информации становится и рост преступности. Принципиальным отличием криминальной ситуации в цифровом обществе от предыдущих эпох становится тот факт, что мошеннический дискурс стал повседневной реальностью для всех членов социума» [8]. Также В. И. Кара-

сик в своей монографии «Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы» уделяет внимание типам коммуникативных манипуляций и криминализации сознания [9].

В данной статье авторами была предпринята попытка исследования текстов мошеннического дискурса как объекта психолингвистического анализа. Именно этот вид анализа помогает не просто раскрыть внутреннее содержание текста, но и дает понимание глубины воздействия на адресата. В поле научных поисков исследователей все аспекты языкового сознания [4; 11; 14; 15].

Что же происходит в процессе совершения преступления? Почему взрослый здравомыслящий человек совершает ряд действий по указанию преступника? Просьбы, а порой даже и приказы злоумышленника выполняются без оглядки. Почему не включается пресловутое критическое мышление, когда это так необходимо? Как преступник усыпляет бдительность жертвы? В этих вопросах постараемся разобраться далее. И здесь актуальным выступают описания эмоций, передаваемых в процессе диалога [6; 7].

Неоспорим тот факт, что в процессе диалога мошенник оказывает влияние на сознание жертвы, а именно воздает некую подмену реальной языковой картины мира на воображаемую, выгодную для него. В. В. Красных дает следующие

определения: «Сознание есть продукт развития материи, специфически человеческая, высшая форма отражения действительности и высший тип психики, которые возникли в ходе исторического развития, в результате перехода к специфически человеческому образу жизни — к жизни в обществе. Языковое сознание — это один из аспектов сознания человека, та “ипостась” сознания, которая связана с речевой деятельностью личности. Языковая картина мира — мир в зеркале языка; вторичный, идеальный мир в языковой плоти; совокупность знаний о мире, закрепленных в языке» [14].

Обращаясь к мнению Ю. Н. Караулова, принимаем, что языковая картина мира — это совокупность всех концептуальных содержаний [10]. По словам А. Вежицкой, «языковая картина мира — это исторически сложившаяся в быденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности» [1]. Также обратимся и к «Психолингвистике» Р. М. Фрумкиной, которая утверждает, что «Человек не может жить и развиваться, не построив — обязательно с помощью какой-либо знаковой системы — модель окружающего его мира. В общем случае в качестве такой системы выступает естественный язык... В силу привычки мы не замечаем культурную модель мира, отраженную в родном языке» [12].

Так как рассматриваемый нами текст — это дословное содержание живого диалога между преступником и жертвой, в результате которого преступник достиг своей цели, осуществив подмену реальной языковой картины мира на вымышленную, выключив критическое мышление жертвы, то обратимся еще и к определению, которое дают Майкл Холл и Боб Боденхамер в своей книге по НЛП. «Модель мира — карта реальности, уникальная репрезентация мира, основанная на обобщении нашего опыта; совокупность принципов деятельности человека» [13].

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что исследованию подверглась живая речь мошенника и был исследован суггестивный потенциал реплик.

Практическая значимость исследования заключается в разработке рекомендаций, которые могут быть использованы для работы с гражданами для предотвращения преступления.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили тексты дословного содержания спорных фонограмм. Источник — материалы уголовных дел, возбужденных по ст. 159 УК РФ «Мошенничество».

В ходе написания статьи использованы такие методы исследования, как анализ, синтез, наблюдение, классификация, описательный метод, метод компонентного анализа.

Текст как объект психолингвистического анализа

Не лишним будет повториться и отметить, что исследуемый текст полностью воспринимался жертвой на слух. «Основная особенность восприятия речи на слух: слышание того, что ожидается или желается, вместо действительно воспринимаемого» [2].

Диалог начинается с четкого обозначения временных границ «М1 — ... смотрите, вы э, до одиннадцати успеваете?» Данный ход позволяет коммуниканту М1 задавать ритм диалога в рамках «здесь и сейчас», что прослеживается далее на протяжении всего диалога: Здесь мы помогаем; Я сейчас говорил с Юшковой Надеждой Алексеевной...; Поэтому сейчас, смотри, иди, до одиннадцати оплачивай десятку; Вы сейчас до одиннадцати закидывайте десятку, до двенадцати, всё, мы с вот этим вот заканчиваем. Данный прием помогает снизить тревогу коммуниканта Ж1, так как в результате подобных диалогов в прошлом она уже теряла денежные средства. Проживание ситуации именно сегодня и именно сейчас как бы отсекает прошлый негативный опыт Ж1 (Вот прошлый раз, прошлые годы, такая же хрень была со мной. Вы из меня вытаскивали, вытаскивали из меня ... и в конце концов с голой задницей оставили. Я потеряла всё! Всё и; Сергей Петрович, ну неужели вы меня обманываете опять а?) и вселяет в неё надежду, что в этот раз будет по-другому. Ж1 уже рисует в своем сознании красивую картинку, где она не обманута, а с деньгами. То есть подмена реальной картины мира на нереальную уже произошла. Теперь сам коммуникант Ж1 будет до последнего цепляться за веру в реальность происходящего, так как разочарование очень сложно пережить. Отметим также, что коммуникант М1 делает упор на аудальные предикаты (Я сейчас говорил; Услышала?). Очень четко прослеживается упор на кооперативные отношения (если говорить вашим языком), то есть коммуникант М1 показывает Ж1, что он сопереживает ей, старается для нее.

Коммуникант М1 присоединяется к лексике коммуниканта Ж1 и отзеркаливает ее. (Ж1 — Кошмар какой-то, это ад крошечный для меня. М1 — Ну-у кошмар сегодня закончится в этом, э-э, тут я гарантирую. Кошмар сегодня закончится).

Преобладает волюнтивный коммуникативный регистр речи коммуниканта М1. В рамках этого регистра прослеживается волюнтивная модусная рамка (присутствуют модальные предикативы *нужно, можно*; глаголы речевого воздействия *просить, хотеть*). Также стоит отметить, что в речи коммуниканта М1 преобладают глаголы совершенного вида (*получите, сделайте*), которые выражают необходимость быстрее достижения результата [5].

На лексико-семантическом уровне отметим следующее:

1) множественные повторы одних и тех же единиц: *до одиннадцати успеваете; до одиннадцати, оплачиваете десять; до одиннадцати иди закидывай десятку; поэтому повторяю, до одиннадцати, с тебя десять; до одиннадцати нарисуй десятку; Вы сейчас до одиннадцати закидывайте десятку; сейчас идите, закидывайте десять, до одиннадцати, я вас именно прошу;*

2) использование конструкций, характерных для разговорной речи: *Не тяни ни сопли, ни резину; довыпендриваемся, что будем сидеть несолоно хлебавши, и ты, и я; и в конце концов с голой задницей оставили; Валя, я тебе богом клянусь, я не вру тебе;*

3) конструкции-актуализаторы высказывания: *я ещё раз говорю.*

Многочисленные повторы просьбы внести денежную сумму до определенного часа, которые из мягкой просьбы переходят в приказ, потом снова в мягкую просьбу, переключение между стилями с официально-делового до разговорного, переключение с вы-сообщений на ты, а также варьирование обращений от официального до практически дружеского — всё это создает дружескую атмосферу диалога, добавляет экстремальную откровенность, которая неуместна в данной ситуации, но благодаря которой, у коммуниканта Ж1 отключается критическое мышление и появляется надежда на положительный для нее исход. Коммуникант Ж1 полностью погружается в иллюзию, что она получит обещанные денежные средства.

На фонетическом уровне следует отметить четкость произнесения фраз коммуниканта М1 уверенным ровным голосом иногда с повышением тона, истощенный голос коммуниканта Ж1,

невнятное произнесение, иногда проглатывание слов.

Логическое строение весьма предсказуемо. Коммуникант М1 явно доминирует в диалоге, его реплики более содержательны и эмоционально окрашены.

Стоит заметить, что все изменения в психологическом плане мгновенно отражаются в тексте. Идет строгий учет ответов и реакций коммуниканта Ж1 и молниеносная подстройка под них. (М1 — Валя, во-первых, Валентина, вы уже всё потеряли, как вы говорите, и вы уже с голой задницей, голее она не станет. Я повторю, я также сейчас оплачиваю деньги свои, кровно заработанные, как и вы. Плюс, вы знаете, какая у меня ситуация, сейчас в семье. Ж1 — Враг номер один тоже в семье. Ни сын, ни сноха, ни внучка, никто со мной не общается, только с презрением говорят. М1 — Ну, Валь, получите деньги, сделайте, Валь, получите деньги, сделайте детям подарок какой-то.) И диалог длится ровно до того момента, пока коммуникант М1 не понимает, что коммуникант Ж1 сделает всё, что было обозначено в диалоге.

Для наивного языкового сознания сотрудник ЦБ и Сбербанка всегда прав и не может обмануть, так как «данное сознание складывается из повседневного опыта» [12]. Человек ассоциирует звонящего с реальным сотрудником данной финансовой организации, опираясь на его представления о том, как себя должен вести банковский работник. В результате накопленных знаний человек понимает (его языковая картина мира такова), что в банке всё четко, все операции выполняются по определенной схеме и государство выступает гарантом законности всех проводимых сделок. Смысл слов заложен через функцию, которую они выполняют. Согласно понятийно-образному мышлению такие лексемы как Сбербанк и Центробанк находятся в ценностном поле и обладают определенным авторитетом. Причем стоит отметить, что жертвы (до того, как ими стали) никогда не общались по телефону с сотрудниками ЦБ и Сбербанка.

Семантическая, прагматическая, синтаксическая стороны манипуляции.

В семантическом плане манипуляция есть нужное говорящему преобразование фактуальной и концептуальной информации, в прагматическом плане это — различные операции с модальной частью высказывания (диктальная часть остается неизменной), в синтаксическом плане — это соотнесение высказывания с другими жанра-

ми, формами и модусами дискурса с целью замещения интерпретативных установок адресата [9].

Рассмотрим семантическую манипуляцию на следующем примере:

«М1 — Я еще раз вам повторяю, меня не нужно под одну гребенку со всякими людьми сравнивать, мы для вас подготовили деньги, оформили перевод, мы ждем только вас. Поэтому у меня один простой вопрос: вы будете получать эти деньги?».

В высказывании речь идет не о фактах, а о характеристиках действия, якобы совершенного автором, о его честности и ответственности, которые присущи ответственному банковскому работнику (оформил бумаги, точную цитату привести). Адресат обвиняет адресанта в том, что тот усомнился в его честности и посмел его причесать под одну гребенку с мошенником. Также упор делается на слово *получать*, хотя адресат требует от адресанта именно отдать денежные средства, а не получить их. То есть фактуальная информация в тексте полностью отсутствует, присутствует только концептуальная, но настойчиво концептуальная информация подменяется фактуальной.

На следующем примере рассмотрим прагматически организованную манипулятивную подачу информации:

«М1 — Моя хорошая, я еще раз повторяю, мошенники, если вот так вот делают, вы на, вы потом на телефон звоните, а там уже недоступно. Я с вами разговаривал неделю назад, вы спокойно перезвонили, мы с вами опять до всего договорились, потому что я не мошенник, я никуда не пропаду, телефон мой не выключается, я Малышев Сергей Петрович, работник Центробанка России. Но мне очень не нравится, что я, извините, э-э, выслушав ваши какие-то просьбы, оставил за вами документы, а в итоге вы хотите получить, но у вас вот всегда какой-то фактор вам мешает, то, простите, с ребенком вы сидите, то там улицу залило, то еще что-то в этом духе. Давайте так, вы либо езжайте сейчас оплачивайте, и мы переводим вам деньги, ну либо нам не о чем разговаривать, потому что, ей богу, я просто подставляюсь. Я сейчас, я вчера просто попросил работника банка, чтобы она с утра пришла на работу и занималась не своими текущими делами, да, какие, какие у нее есть, а оформляла ваш перевод, говорю, ну там женщина, она с утра с самого поедет, просила пораньше, мне вошли в положение. А в итоге я подставляю. Вот и всё».

Адресант использует весомое уточнение в поведении мошенников: «мошенники если вот так

вот делают, вы на, вы потом на телефон звоните, а там уже недоступно». Наречие «недоступно» является в данном контексте усилителем, доказательством, что адресант не мошенник. Автор высказывания манипулятивно пытается внедрить в сознание адресата, что всё происходящее имеет законную основу и никакого обмана нет. Также присутствует хронологическое описание событий, которые имели место быть и известны адресанту. Имеет место официальная самопрезентация с использованием положительнооценочных лексем «работник Центробанка России». Всё вышперечисленное добавляет в контекст положительную оценку текущей ситуации и должно исключить возможность обмана.

«М1 — Моя хорошая, давайте договоримся, вы вот оплачиваете десять — вам переводят деньги. Если что-то пойдет не так, я вам лично десятку переведу. Никто не будет, простите, с вами ссориться, какие-то проблемы из-за десяти тысяч рублей. Вы же там не миллион едете оплачивать, вы получаете копейки, не говоря о том, что оплачиваете, еще меньше. Поэтому давайте вот не будем с оскорблений начинать».

Приведенный выше фрагмент рассмотрим в качестве иллюстрации синтаксической манипуляции. Речь якобы сотрудника банка из официально-деловой превращается в разговорную, причем присутствие антонимического сочетания «миллионы—копейки» добавляет оттенок снисходительности. Заслуживает внимание заверение автора «Если что-то пойдет не так, я вам лично десятку переведу». С одной стороны, он представитель официальной организации, однако, с другой стороны, он всё возместит, если что-то не получится. Данным убеждением автор пытается заставить верить, что всё получится и рисков никаких нет. Институциональный (банковский) дискурс здесь переходит в мошеннический. Манипулятивный характер такого перехода состоит в эмоциональном уверении адресата и нейтрализации логических аргументов.

Заключение

Анализ приемов речевой манипуляции в мошенническом дискурсе на примере записей звучащей речи позволяет констатировать, что в процессе совершения преступления злоумышленник, вводя жертву в состояние эмоционального потрясения, незаметно совершает подмену реальности, формирует новое представление об окружающем мире. Взрослый здравомыслящий человек совершает ряд действий по указанию

преступника, потому что уж очень красивая картинка (хотя и нереальная) вырисовывается в его сознании. Не включается критическое мышление, так как преступник сделал всё, чтобы войти в кооперативные отношения с жертвой, он уже друг, а не враг. Горькое разочарование наступит поз-

же, а пока действует эта магия «здесь и сейчас», жертва даже думать себе запрещает, что это всё обман. Анализ именно живой звучащей речи при помощи психолингвистического описания компонентов потока речи дает возможность предупредить возникновение ситуации обмана.

Список источников

1. Вежицкая А. Языковая картина мира как особый способ репрезентации образа мира в сознании человека // Вопросы языкознания. 2000. № 6. С. 33–38.
2. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст : избранные труды. М. : Гнозис, 2005. 542 с.
3. Захарова Е. Ю. Лексическое разнообразие текста и способы его измерения // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2020. Т. 6, № 1 (21). С. 20–34. DOI: 10.21684/2411-197X-2020-6-1-20-34.
4. Знаков В. В. Психология понимания мира человека. М. : ИП РАН, 2021. 448 с.
5. Золотова Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. филол. фак. М. : Ин-т рус. яз. РАН им. В. В. Виноградова, 2004. 323 с.
6. Грекова В. Е. Психолингвистический подход к определению базовых эмоций // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2009. № 1. С. 9–14.
7. Ионова С. В. Лингвистика эмоций в контексте современных научных исследований // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2022. № 3. С. 221–226.
8. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Тенденции развития современного дискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 1. С. 14–31.
9. Карасик В. И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы: монография // Научно-исследовательская лаборатория «Аксиологическая лингвистика». М. : Гнозис, 2019. 422 с.
10. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М. : Наука, 1989. 264 с.
11. Тарасов Е. Ф. Прологомены к теории языкового сознания // Вопросы психолингвистики. 2014. № 4. С. 24–35.
12. Фрумкина Р. М. Психолингвистика. М. : Академия, 2003. 320 с.
13. Холл М. НЛП: полный курс. М. : АСТ, 2022. 432 с.
14. Уфимцева Н. В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М. : Институт языкознания РАН, 2011. 252 с.
15. Aikhenvald A. Y., Storch A. (eds.) Perception and Cognition in Language and Culture. Leideb, Boston : Brill, 2013. 279 p.

References

1. Vezhbitskaya A. Linguistic picture of the world as a special way of representing the image of the world in human consciousness. *Voprosy yazyk'koznaniya* = Questions of linguistics. 2000;(6):33-38. (In Russ.).
2. Zalevskaya AA. Psixolingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst: Izbranny'e trudy' = Psycholinguistic research. Word. Text: Selected works. Moscow; 2005. 542 p. (In Russ.).
3. Zakharova EYu, Savina OYu. Lexical diversity of text and ways of measuring it. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarny'e issledovaniya. Humanitates = Bulletin of Tyumen State University. Humanities studies. Humanities*, 2000;(6):20-34. DOI: 10.21684/2411-197X-2020-6-1-20-34. (In Russ.).
4. Znakov VV. Psihologija ponimaniya mira cheloveka = Psychology of the man's world understanding. Moscow; 2021. 448 p. (In Russ.).
5. Zolotova GA. Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka = Communicative grammar of the Russian language. Lomonosov Moscow State University. Moscow; 2004. 323 p. (In Russ.).
6. Grekova VE. Psycholinguistic approach to the definition of basic emotions. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika = Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*. 2009;(1):9-14. (In Russ.).

7. Ionova SV. Linguistics of emotions in the context of the modern scientific researches. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2022;(3):221-226. (In Russ.).

8. Karasik VI, Slyshkin GG. Trends in the development of modern discourse. *Aktual'ny'e problemy` filologii i pedagogicheskoy lingvistiki = Actual problems of philology and pedagogical linguistics*. 2021;(1):14-31. (In Russ.).

9. Karasik VI. Yazykovaya spiral': cennosti, znaki, motivy': monografiya =The linguistic spiral: values, signs, motives: monograph. Scientific research laboratory "Axiological Linguistics". Moscow; 2019. 422 p. (In Russ.).

10. Karaulov YuN. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost' = Russian language and linguistic personality. Moscow; 1989. 264 p. (In Russ.).

11. Tarasov EF. Prolegomena to the theory of linguistic consciousness. *Voprosy` psixolingvistiki = Questions of psycholinguistics*. 2014;(4):24-35. (In Russ.).

12. Frumkina RM. Psixolingvistika = Psycholinguistics: Textbook for students. Universities. Moscow; 2003. 320 p. (In Russ.).

13. Hall M. NLP: polny`j kurs = NLP: the complete course Moscow; 2022. 432 p. (In Russ.).

14. Ufimceva NV. Jazykovoje soznanie: dinamika i variativnost' = Linguistic consciousness: dynamics and variability. Moscow; 2011. 252 p. (In Russ.).

15. Aikhenvald AY, Storch A. (eds.) Perception and Cognition in Language and Culture. Leideb, Boston: Brill; 2013. 279 p.

Информация об авторах

Л. А. Тугай — аспирант кафедры русского языка и методики обучения русскому языку.

А. А. Миронова — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка как иностранного.

Information about the authors

L. A. Tugai — Postgraduate Student, Department of the Russian Language and Russian Language Teaching Methods.

A. A. Mironova — Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Russian as a Foreign Language.

Статья поступила в редакцию 10.02.2024; одобрена после рецензирования 15.03.2024; принята к публикации 21.04.2024.

The article was submitted 10.02.2024; approved after reviewing 15.03.2024; accepted for publication 21.04.2024.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.